

«Застолья Иосифа Сталина: Большие кремлёвские приёмы 1930–1940-х гг.»

*Владимира Невежина*¹

Ритуалы и церемонии давно уже стали для историков привычным и даже приоритетным объектом анализа. Настоящий взрыв интереса к ним произошел в мировой историографии после её так называемого поворота к культуре (*cultural turn*), ознаменовавшегося активной адаптацией историками методов антропологии и семиотики. Особое внимание в этом контексте уделяется сфере, которую известный американский историк Ричард Уортман обозначил термином «сценарии власти». Речь идёт о тех формализованных церемониях, в которых политическая власть символически представляет себя как центральный элемент миропорядка. Было бы ошибкой сводить смысл этих действий исключительно к индоктринации («пропаганде»). В них воспроизводятся (часто помимо воли их организаторов) существенные характеристики не только политической культуры и системы власти, но и разнообразных общественных процессов. Задача же историка – настроить исследовательскую «оптику» таким образом, чтобы выявить и явные, и скрытые смыслы политического ритуала. Удалась ли такая «настройка» автору обсуждаемой книги, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН В.А. Невежину? Какие перспективы открывает его работа для изучения одного из самых сложных и трагических периодов нашей истории? В дискуссии приняли участие доктор исторических наук Р.Г. Пихоя (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ); кандидаты исторических наук О.Ю. Голечкова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»); А.В. Голубев (Институт российской истории РАН); А.В. Короленков (журнал «Новая и новейшая история»); В.А. Токарев (Магнитогорский государственный университет), а также профессор Дэвид Бранденбергер (Университет Ричмонда, Вирджиния, США).

Александр Голубев «Утомлённый, задумчивый и величавый»

Книга В.А. Невежина, посвящённая большим кремлёвским приёмам, является по существу первой книгой задуманной автором трилогии «Застолья Иосифа Сталина». Вторая книга, ныне готовящаяся к печати, анализирует «дружеские посиделки» (или, по терминологии автора, «симпозионы») в узком кругу, в кремлёвской квартире Сталина или на его «ближней даче» в Кунцево. В третьей книге, над которой сейчас работает исследователь, речь пойдёт о дипломатических приёмах с участием Сталина. Может быть, логичнее было бы обсудить всю трилогию целиком после выхода последней книги. Но и сейчас контуры этого оригинального и масштабного проекта уже просматриваются.

¹ *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. Большие кремлёвские приёмы 1930–1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с.

Прежде всего, общий заголовок, при всей своей лаконичности и «завлекательности», не то чтобы неточен, но сознательно уводит в сторону. Ни одно из этих мероприятий нельзя назвать «застольем» в точном смысле этого слова, т.е. поглощением еды и распитием спиртных напитков в дружеской компании, в доброжелательной и раскованной атмосфере. Понятно, что приёмы – и большие кремлёвские, и дипломатические – организовывались с определённой политической целью. Но даже и «симпозионы» на даче, помимо отдыха и расслабления в узком кругу, служили также (а может быть, и в первую очередь) для неформального обсуждения и разрешения серьёзных вопросов и таким образом составляли важный элемент системы государственного управления. Подобные неформальные механизмы в том или ином виде существуют во всех развитых политических системах – достаточно вспомнить знаменитые английские клубы, где, по известному выражению Честертона, «шёл тот странный, порхающий разговор, который предрешает судьбы Британской империи, столь полный намёков, что рядовой англичанин едва ли понял бы его, даже если бы и подслушал».

Здесь есть смысл остановиться на одном из ключевых понятий, используемых автором – «питейная компания Сталина». Скрупулёзно подсчитав, сколько раз тот или иной член Политбюро, Секретариата или Оргбюро ЦК присутствовал на кремлёвском приёме, причем в качестве «хозяина», за столом президиума, а также порядок, в котором члены президиума перечислялись в официальных сообщениях о приёме, автор выделил постоянных участников этой «питейной компании». Забегая вперёд, можно сказать, что и на даче Сталина собиралась в основном та же самая компания. По мнению Неvejина, включение того или иного соратника в «питейную компанию» являлось одним из критериев принадлежности к «ближнему кругу», причём она оказывалась даже несколько уже собственно «ближнего круга» (с. 194). Однако тут необходимо особо подчеркнуть, что членство в «питейной компании» было следствием, а не причиной повышения статуса того или иного деятеля. Речь, другими словами, идёт не о том, что Сталин расставлял на ключевые посты своих суботельников, но о том, что люди, занявшие эти посты (и только они) могли стать постоянными членами «питейной компании». Лучшим доказательством этого служит пример трезвенника Л.М. Кагановича, который тем не менее был одним из старейших её членов и сохранял этот статус до самой смерти Сталина. Конечно, за долгие годы и в президиуме кремлёвских приёмов, и на даче (в квартире) Сталина побывали десятки людей. Но лишь 10 человек, не считая самого вождя, по основательно документированному мнению В.А. Неvejина, оставались постоянными членами «питейной компании».

Если политическая функция «симпозионов», при всей их закрытости (в том числе и с точки зрения источниковой базы) оказывается в общем понятной, то с Большими кремлёвскими приёмами дело обстоит сложнее. В чём, собственно, состояла их основная цель и основная функция? Автор (а вслед за ним и рецензенты) отвечает на это достаточно определённо: репрезентация власти, а также демонстрация единства и преданности элиты (среди гостей кремлёвских приёмов, помимо военных, летчиков, полярников, постоянно присутствовали деятели науки и искусства, передовики производства, руководители различных отраслей хозяйства). В.А. Неvejин делает вполне обоснованный вывод, что «торжественные застолья в Кремле относились к разряду мероприятий государственного масштаба, сыгравших решающую роль не только в деле укрепления личной власти Сталина, но и в консолидации вокруг вождя политической,

военной, экономической и интеллектуальной элиты советского общества. Для них были характерны функции обмена информацией, интегрирующая, дифференцирующая и функция преемственности в культуре, прежде всего в области застольных обычаев» (с. 384).

Если говорить о преемственности в культуре, тут, конечно, на первое место выходит не культура застолий, а культура политическая. Не случайно кто-то из рецензентов в этой связи вспомнил о дружинных пирах Владимира Красное Солнышко, а мог бы упомянуть и о пирах московских царей, и уж тем более – об императорских приёмах XVIII–XIX вв. На подобных приёмах происходит репрезентация не столько личной власти великого князя, царя, императора, или хотя бы скромного секретаря ЦК ВКП(б) – это прежде всего презентация державной власти (можно было бы написать и «имперской»), но этот термин обладает преимущественно негативными коннотациями). Именно слова «державный» не хватает в данном описании кремлёвских приёмов, между тем на такой характер указывают и устоявшийся в 1930-х гг. церемониал (вплоть до упрощённого, достаточно демократичного, но всё же существовавшего «дресс-кода»), и антураж – парадные залы Кремлёвского дворца, и меню, и сопутствующие концерты, основанные прежде всего на произведениях мировой классической, в меньшей степени народной культуры. Об этом же говорит и состав приглашённых, отобранных не только по критериям личной преданности и политической лояльности. Конечно, большинство из них составляли люди, вспоминая слова Мандельштама, «проваренные в чистках, как соль». Но и среди них, судя по сохранившимся письмам, дневникам, воспоминаниям, были те, кто воспринимал происходящее критически, как минимум, с долей иронии. Впрочем, участвуя в этих мероприятиях, они также включались в процесс легитимизации власти, причём не только личной власти Сталина, но и новой державной государственной власти. И в церемониале, и в антураже, и в речах и тостах членов президиума с трудом можно найти отголоски революционной идеологии. При этом состав гостей был более демократичен, чем когда-либо в Кремлёвском дворце. Там бывали и колхозники, и рабочие... хотя, конечно, большинство гостей принадлежало к вновь формирующейся советской элите, являясь функционерами – партийными, советскими, военными, хозяйственными, литературными, театральными...

Советский режим отличался завидной способностью – практически во всех социальных слоях, от академиков до уголовников, создавать своеобразный «актив», призванный демонстрировать его всенародную поддержку. Как не без гордости говорил К.Е. Ворошилов, выступая на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1933 г., «вряд ли много найдется таких крестьян в Европе и Америке, которые бы вышли на трибуну и без единой записочки произносили длинные и хорошие речи о строительстве новой жизни, нового человеческого общества»².

И ещё один нюанс, не отмеченный в книге. Многие политики как бы подпитываются на различных публичных мероприятиях, ощущая поддержку и восторг слушателей. Для некоторых это становится своеобразным наркотиком – сразу вспоминаются А.Ф. Керенский и А. Гитлер (столь различные в остальном). Сталин, в отличие от многих (хотя бы того же Л.Д. Троцкого), довольно редко выступал, и по крайней мере с 1920-х гг., не выступал на митингах. Однако, думается, что и сравнительно узкая, проверенная аудитория различных съездов прекрасно выполняла для него подобную «энергетическую» функцию. Восторженная реак-

² Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов. 15–19 февраля 1933 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1933. С. 76.

ция на присутствие вождя неоднократно описана и в обсуждаемой книге, но тут хотелось бы привести пример, не относящийся к кремлёвским приёмам. Никоим образом не входившие в когорту «верных сталинцев» или литературных функционеров, К.И. Чуковский и Б.Л. Пастернак так реагировали на появление Сталина на X съезде ВЛКСМ в апреле 1936 г.: «Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А он (выделено автором. – А.Г.) стоял, немного утомлённый, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюблённые, нежные, одухотворённые и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем... Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью»³. Однако подобные мероприятия были достаточно редкими, и можно с уверенностью предположить, что кремлёвские приёмы, как бы заполняя паузы между различными съездами, служили для Сталина такой же своеобразной «подпиткой».

Одно из серьёзнейших противоречий советской истории, кажется, недооцененное исследователями, заключалось в том, что в глубоко архаичном, в большинстве своём крестьянском обществе установилась власть с гипермодернизационными установками, причём возникшая на волне мощного взрыва архаики и во многом благодаря ему. Более того, если выйти за пределы официальной идеологии и устремлений части высшего, крайне узкого слоя советского руководства, власть и сама по составу, по методам и по восприятию мира была глубоко архаичной. И сталинские «застолья» продолжали не только традицию государственных пиров и приёмов. Что-то в них было и от традиционного крестьянского либо мещанского застолья, когда на стол выставляется всё, что можно только «позволить себе», и несколько раз в году люди не только «расслабляются» и общаются, но и просто вкусно и досыта едят.

С другой стороны, и стилистика сталинских приёмов оказывала обратное воздействие на традиционное общество. Достаточно вспомнить хотя бы хит 1930-х гг. – фильм «Трактористы», который заканчивается сценой колхозного застолья. В просторном светлом зале за общим столом собираются колхозники в парадных костюмах; главный же герой, демобилизованный танкист, передовой тракторист и любящий жених Клим Ярко в исполнении Николая Крючкова одет в военную форму без знаков различия. Трудно допустить, что режиссёр И.А. Пырьев сознательно рискнул на столь смелую аллюзию, и всё же заключительный кадр невольно вызывает соответствующие ассоциации: накрытый стол, хорошо одетые гости, и в центре, в торце стола – главный персонаж, человек в полувоенной форме. Впрочем, ситуацию спасает большой портрет Сталина над головами героев, разумеется, всё в той же полувоенной тужурке...

Дэвид Бранденбергер: Свет люстр и ослепительная аура советских руководителей

Первый том исследования В.А. Невежина о торжественных кремлёвских приёмах и частных застольях И.В. Сталина является важным и ценным вкладом в изучение советской «большой политики» 1930-х гг. Наши представления о политической культуре и механизме принятия решений в СССР этого вре-

³ Чуковский К.И. Дневник (1901–1929). М., 1997. С. 141.

мени существенно обогащаются добавлением к традиционному набору официальных и личных источников гораздо менее изученных данных о статусе и иерархии, самопрезентации власти и её восприятию. В этом контексте до сих пор анализировались всего лишь несколько публично произнесённых Сталиным тостов, которые справедливо рассматривались исследователями как своего рода политические манифесты. Но и здесь тщательный анализ источников позволил Невежину открыть множество важных деталей, опровергнув ряд сложившихся в историографии мифов.

Если говорить о частных застольях, устраивавшихся Сталиным для своего ближайшего окружения, то их анализ, несомненно, позволяет во многом прояснить контекст принятия советским руководством политических решений. Как показывает Невежин, Политбюро никогда не собиралось за столом в полном составе. На застольях обычно присутствовали члены так называемого ближнего круга (В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь и А.А. Андреев), а также случайные гости, например, Г.М. Димитров. Анализ «питерной компании» Сталина показателен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, Невежин обоснованно считает вечерние застолья важной частью сталинской практики управления. Во-вторых, он отмечает, что долгие часы, проведённые вместе, усиливали личные связи и доверие между членами кружка, что, возможно, объясняет тот факт, что почти все они (за исключением Чубаря) избежали репрессий, а некоторые (Ворошилов, Калинин) продолжали занимать высокие партийные и государственные посты, несмотря на свою очевидную некомпетентность. В-третьих, сама рутинность застолий с неизменными для них неформальными деловыми разговорами, позволяет Невежину усомниться в представлении о том, что Сталин с середины 1930-х гг. монополизировал процесс принятия политических решений. Историки в этой связи обычно указывают на то, что на протяжении 1930-х гг. Политбюро собиралось всё реже, а ЦК и съезды партии перестали быть органами, определявшими партийный курс⁴. Но если Невежин прав, то выходит, что эти институты никогда и не играли решающей роли в принятии важных решений. Такая роль принадлежала именно группе людей, и в 1930-е гг., и позже регулярно собиравшейся в неформальной обстановке в кремлёвской квартире или на даче Сталина. Конечно, было бы преувеличением считать эти собрания реальным «коллективным руководством», но вполне возможно, сам Сталин и его «товарищи по оружию» считали, что именно так можно назвать то, в чём они участвуют. Так или иначе, этот сценарий больше похож на олигархическое правление, нежели на личную диктатуру.

Почти столь же интересен список партийных и советских руководителей, которые не допускались в «питерную компанию», хотя были частыми посетителями кабинета Сталина в Кремле. С середины 1930-х гг. этот список включал в себя Г.Г. Ягodu, А.С. Енукидзе, М.М. Литвинова, Я.А. Яковлева, С.В. Косиора, Я.Е. Рудзутака, А.И. Стецкого, Н.И. Ежова, Л.З. Мехлиса и Я.В. Гамарника. Для Сталина эти люди были только советниками или в лучшем случае исполнителями партийной линии.

Хотя изучение Невежиным «питерной компании» основано на обширном круге источников, возможно, следовало бы учесть некоторые новейшие по-

⁴ См., например: *Rees E.A. Stalin as Leader, 1924–1937: From Oligarch to Dictator // The Nature of Stalin's Dictatorship: the Politburo, 1924–1953. N.Y., 2004. P. 19–58.*

пытки систематизировать практики сталинского руководства⁵. Интересным был бы также сравнительный анализ сходств и различий между сталинской диктатурой и другими авторитарными практиками управления, существовавшими в мире, в частности, в период между двумя мировыми войнами. Многие биографы А. Гитлера, например, характеризуют его стиль руководства как хаотичный и небрежный. Фюрер не имел достаточного терпения и не был склонен к настойчивой и обстоятельной проработке принимаемых решений. Многие из его руководящих указаний сводились к расплывчатым и несвязным фразам, которые произносились за обедами и ужинами в узком кругу, причём присутствующие представители нацистского руководства должны были их внимательно выслушивать, делать заметки и затем использовать для разработки тех или иных мероприятий, которые, как им казалось, соответствуют пожеланиям вождя. Этот специфический стиль управления был известен как «работа в духе указаний фюрера»⁶. И хотя Сталин явно вкладывал в детализацию своих распоряжений гораздо больше усилий, привлекает внимание само сходство ситуаций, когда соратники должны руководствоваться неформально высказанными суждениями вождя. Приняли ли партийные и советские функционеры на вооружение какой-то стиль «работы в духе указаний Сталина», который помогал им принимать решения, угадывая его желания? Известно, что Г.М. Димитров и В.А. Малышев фиксировали произносимые Сталиным тосты в своих записных книжках. За других (например, за Ворошилова) это делали адъютанты. Но каким образом они потом использовали эту информацию, остаётся неясным.

Дружеские застолья будут подробнее рассмотрены Невежиным в следующем томе его исследования. Обсуждаемая же нами сегодня книга в основном концентрируется на торжественных приёмах, проводившихся в Кремле в 1930-х – первой половине 1940-х гг. Особенно такие приёмы практиковались в предвоенный период, когда устраивались в честь участников военных парадов, лётчиков и полярников, представителей технической и творческой интеллигенции, выпускников военных академий и представителей союзных республик. Эти грандиозные мероприятия с числом участников, порой превышавшим 2 тыс. человек, широко освещались в СМИ, затмевая более привычные партийные и государственные форумы.

Изучение приёмов затруднено недоступностью ключевых документов, которые, видимо, до сих пор хранятся в архивах ФСБ или ФСО. Тем не менее Невежину удалось использовать значительный массив источников, в частности, малоизвестные дневниковые и мемуарные записи участников событий. Это позволило ему в деталях воссоздать социальную стратификацию и иерархию мероприятий (разделение на «хозяев» и «гостей»), принятые на них этикет и нормы поведения (на удивление формальные, стандартизованные и традиционные), и даже роль музыкантов и обслуживающего персонала.

Хотя вся эта информация очень интересна и сама по себе, по настоящему увлекательным оказывается анализ Невежиным роли приёмов в установлении

⁵ *Wheatcroft S.G. From Team-Stalin to Degenerate Tyranny // Ibid. P. 70–107.*

⁶ Оригинальное выражение, приписываемое Вернеру Вилликенсу, мелкому чиновнику прусского Министерства сельского хозяйства, звучало как «zu versuchen im Sinne des Führers ihm entgegenzuarbeiten» (*Kershaw I. «Working Towards the Führer»: Reflections on the Nature of the Hitler Dictatorship // Contemporary European History. 1993. Vol. 2. № 2. P. 103–118; idem. Hitler, 1932–1935: Nemesis. N.Y., 2001. P. 32–33.*

и поддержании социальной и политической иерархии в СССР. Оказывается, например, что сталинская «питейная компания» практически в полном составе председательствовала на приёмах в качестве «хозяев». Более того, Сталин собственноручно редактировал сообщения о приёмах, их участниках и о произносившихся тостах для газет, de facto превращая их в официальные коммюнике. На основании статистики присутствия советских руководителей на такого рода мероприятиях и порядке их перечисления в газетных отчетах Невежин смог составить своеобразный «номенклатурный рейтинг» основных участников «питейной компании». На первых местах в нём закономерно фигурируют В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Л.М. Каганович. Такие же персонажи, как Ежов и М.М. Каганович появлялись в числе «хозяев» лишь эпизодически, когда их присутствие имело символическое значение.

Если для Сталина и его «питейной компании» торжественные приёмы стали рутиной, то для большинства «гостей» они были уникальным и запоминающимся на всю жизнь событием. Это отражают и их воспоминания о великолепии помещений, знаменитых гостях, высоком качестве еды и напитков и, конечно же, упоительном физическом присутствии партийных вождей. При этом Невежин убедительно воссоздаёт атмосферу регламентации поведения присутствующих и контроля за «гостями», фактически отделявшую их от «хозяев». Последние могли обращаться к «гостям» (например, с целью провозгласить какой-нибудь тост), однако протокол не позволял «гостям» самим вступать в контакт с президиумом. Даже в тех случаях, когда кто-либо из гостей оказывался в центре празднования (как это было с В.П. Чкаловым), его роль оставалась сугубо подчинённой по отношению к «хозяевам» приёма (с. 271–278).

Акцент на иерархии, протоколе и традиции в чём-то противоречил популистским намерениям, лежавшим в основе грандиозных приёмов и массовых действий на Красной площади, которые часто предваряли эти приёмы. Именно об этом написал московский обозреватель «Социалистического вестника» своим зарубежным читателям в сентябре 1935 г. в редком очерке, который Невежин не включил в свой анализ: «Отрыв руководящих кругов ВКП от массы рядовых членов чувствуют и в верхах. Но, не решаясь на введение настоящей демократии, ищут выход в мелких, а порой и смешных мероприятиях... Особенно любопытен новый обычай, быстро прививающийся в Союзе. По инициативе Сталина в Кремле стали устраивать банкеты. На 500, 1000, 1500 человек... Приём осуществляется весьма торжественно. Угощение обильное и разнообразное. Вина подаётся немного и “пьянка” на сталинских банкетах, не в пример провинциальным, не допускается. Банкет проводится по всем правилам, причём из уважения к грузинскому происхождению вождя для руководства праздником выбирается “тамада”. Обычно эту роль играет Каганович или Орджоникидзе»⁷.

Все эти мероприятия прежде всего были нацелены на упрочение не только иерархии, но и личной власти и харизмы Сталина и его ближайшего окружения. Приёмы способствовали также утверждению контроля партийного руководства над советской элитой. Усаживаясь отдельно от восторженных, но пассивных гостей и защищая себя щитом этикета и протокола, Сталин и его окружение невольно обнаруживали своё представление о взаимоотношениях

⁷ А. По России // Социалистический вестник. 1935. №. 18 (350). 25 сентября. С. 16. На самом деле, как показывает Невежин, роль «тамады» чаще всего играли Молотов и Ворошилов.

партийного руководства и ведомого им общества. Строго говоря, это представление было скорее патерналистским, чем авторитарным.

Но приёмы служили и другим целям. Вспоминая о газетных репортажах и публичной саморекламе режима (в которых жёсткая стратификация, разумеется, не упоминалась), можно сказать, что они призваны были создать ощущение единства и солидарности как между партийным руководством и Красной армией, так и между вождями и прочими «выдвиженцами из народной среды». Общаясь со «знатными людьми советской страны» – лётчиками, стахановцами, командирами, самыми заметными представителями интеллигенции и различных нерусских национальностей (все они обрели в 1930-х гг. статус героев и объектов всенародной любви) – Сталин и его соратники пытались продемонстрировать свою близость к народу⁸.

Приглашение на подобный приём подтверждало высокий общественный статус и большие достижения гостя и одновременно должно было вдохновлять его на «новые свершения». Как писал в 1935 г. обозреватель «Социалистического вестника», «допускаются по особому списку лишь специально приглашённые. В первую очередь слой влиятельных советских вельмож: члены ЦК, члены ЦИК, руководители комиссариатов, хозяйственных организаций. Это, так сказать, состав постоянно приглашённых лиц. За право быть в числе приглашённых идёт борьба в кругах партийцев и хозяйственников. Пускают в ход связи, плетут интриги. Но кроме того, приглашаются ударники-рабочие от станка, колхозники, отличившиеся на местной работе, рекордсмены спорта, заслуженные артисты и приехавшие в Москву по делам представители власти на местах». Мифологизированный сценарий попадания на приём «простого человека» изображён, в частности, в фильме Г.В. Александрова «Светлый путь». Его героиня ткачиха Таня Морозова приглашена в Кремль на роскошный приём, где её ослепляют свет хрустальных люстр и яркая аура советских руководителей. Это приглашение не только подчёркивает новый статус Морозовой как «выдвиженца», но и вдохновляет её на героические деяния.

Как и на вечерних застольях, на больших приёмах Сталин порой использовал торжественный контекст и тосты для конкретных целей. «Социалистический вестник» охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Таковыми приёмами, кроме установления личного общения между генералитетом и офицерством власти, пользуются ещё и для проведения партийной линии, разъяснения очередной директивы. Иногда сам вождь или его ближайшие помощники произносят “исторические речи”». В самой интересной части своей книги Невежин анализирует три наиболее известных тоста Сталина: за Ленина и таджикский народ (22 апреля 1941 г.), за Красную армию как армию наступления, а не обороны (5 мая 1941 г.) и за великий русский народ (22 мая 1945 г.).

В первом тосте вождь, подчёркивая свою скромность, напоминал советской культурной элите о роли Ленина в формировании советской национальной политики⁹. Невежин отмечает, что важность тоста заставила многих гостей записать либо его прямо на банкете, либо по возвращении домой. Спустя два дня

⁸ О становлении этого культа героев см.: *Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1927–1941. New Haven, 2011. Ch. 4.*

⁹ О периодических демонстративных попытках Сталина несколько умерить культ своей личности в 1930-е гг. см.: *Davies S. Stalin and the Making of the Leadership Cult in the 1930s // The Leadership Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc. N.Y., 2004.*

в «Правде» была опубликована редакционная статья «по мотивам» тоста, прославлявшая национальную политику большевиков и место в ней таджиков.

Примерно две недели спустя на приеме в честь выпускников военных академий Сталин произнёс тост, в котором провозглашал готовность Красной армии вести войну в наступательном духе, на территории противника. Как подчёркивает Невежин, это была декларация общего характера, не привязанная к конкретным политическим реалиям весны 1941 г. По понятным причинам, эта речь не предавалась огласке, хотя информация о ней всё равно неофициально распространялась присутствовавшими.

Наконец, третий анализируемый Невежиным тост был произнесён в честь русского народа. Как известно, во второй половине 1930-х гг. и особенно после начала войны Сталин настойчиво проводил русскоцентричную пропагандистскую кампанию, которая, правда, сопровождалась параллельным превознесением украинских, казахских, армянских, грузинских и прочих национальных традиций и героев. Понимая, что педалирование русской национальной темы вызывает у многих некоторое смущение, Сталин постарался прояснить свой взгляд на роль русского народа в войне¹⁰. Очень интересно, что, как показал Невежин, публикация речи в «Правде» существенно отличалась от того, что было произнесено на приеме. В реальной речи Сталин говорил о «здоровом смысле, общеполитическом смысле и терпении» русского народа, признав, что «у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением» (с. 340–341). Однако после приема, прочитав подготовленный к публикации текст речи, Сталин переписал его, решив подчеркнуть своё восхищение русским народом в более лирическом духе («ясный ум, стойкий характер и терпение»), опустив признание в военных неудачах. Невежин показывает далее, анализируя реакцию людей на речь и на её публикацию, сколь огромна была власть Сталина над мировоззрением советского народа – от маршала И.Х. Баграмяна до безвестного инженера московской фабрики № 836 Соловейко. Само собой, благодаря бесконечным цитированиям, значение речи Сталина как формулировки политического курса многократно усилилось¹¹.

Анализ конкретного тоста ещё раз подтверждает важность самой темы исследования Невежина. Возникает и ряд вопросов о причинах недолгого существования института больших кремлёвских приёмов. Если они играли столь важную роль в политическом ландшафте эпохи, то почему после 1945 г. они из этого ландшафта исчезли? Объяснялось ли это пошатнувшимся здоровьем Сталина, потерей им интереса к публичным мероприятиям или отказом от предвоенной популистской идеологии? Способствовало ли исчезновение торжественных приёмов самоизоляции Сталина и окостенению послевоенной политической системы? Затронуло ли оно контроль партийной верхушки над военной и гражданской элитой? Важно, что автор планирует продолжить работу над темой, которая имеет столь серьёзное значение для понимания сущностной динамики советской политической системы.

¹⁰ См. об этом также: *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

¹¹ Там же. С. 213–228, 232–233, 267, 276.

Василий Токарев: Недюжинные задатки церемониймейстера, метрдотеля и сомелье

Провокативно-куртуазный заголовок монографии В.А. Невежина «Застолья Иосифа Сталина» может смутить иного читателя, если тот не примет во внимание, что замысел книги обслуживает категория «праздник», а не «праздность». За последние 40 лет отечественные и зарубежные учёные заложили основательную традицию изучения советской праздничной культуры, через которую диагностируется эпоха, институты власти, общественные структуры и духовный мир. Одни авторы изучали феномен советского праздника в общегосударственном контексте, другие – в контексте региона, третьи – города. Благодаря В.А. Невежину траектория исследования, в конце концов, прошла сквозь кремлёвские апартаменты.

Лики авторитарной власти, в нашем случае сталинизма, а также её умение быть оболъстительной для соотечественников и неоднозначной для сторонних наблюдателей, с давних пор привлекают внимание зарубежных и российских исследователей. Забота о собственном имидже и немалые усилия в деле самопрезентации достигались советскими лидерами с помощью разнообразных средств, к числу которых относились и Большие кремлёвские приёмы. Что знали о кремлёвских приёмах и какими их образами располагали советские люди? Судя по всему, осведомлённость сталинских современников о торжественных «свиданиях» власти и народа в Кремле не исчерпывалась скудными газетными отчётами. Визуальные образы, как правило, были представлены живописью, а не фоторепортажами с их протокольно-обыденной фиксацией действительности. Спрашивается, почему? Именно талантливая кисть с её правом на вольность красочно живописала историческое значение момента, когда вождь, окружённый своими сподвижниками, обращался к лучшим представителям народа посреди великолепных дворцовых интерьеров. Достаточно вспомнить культовое полотно М. Хмелько «За великий русский народ!» (1947), забытую картину В. Яковлева «Сталин на выпуске слушателей военных академий» (1935) или графику П. Малькова «Заздравный тост...» (1949). При жизни Сталина издательства и журналы тиражировали на разных языках мемуарные тексты с описанием кремлёвских раутов. О своих впечатлениях поведали Г.Ф. Байдуков, Э.Т. Кренкель, М.М. Раскова и даже её дочь Татьяна. Что касается художественной литературы, прозаики, знавшие непредсказуемые нравы сталинского секретариата, не торопились связывать сюжеты своих произведений с Кремлём. разве что украинский писатель С. Чернобривец в повести «Освобождённая земля» (1949) изобразил такой приём, да и то эскизно. В каноничном виде многомиллионная аудитория увидела кремлёвские приёмы в киноэпопее П. Павленко и М. Чиатурели «Клятва» (1946). С другой стороны, инициативная «огласка» деталей кремлёвских застолий никогда не приветствовалась. Более того, она могла повлечь за собой наказание независимо от положения и ранга человека. Так, курсанта А.Г. Шематонова, когда-то состоявшего в кремлёвском персонале, отчислили с лейтенантских курсов за рассказ о том, как захмелевший Сталин по окончании банкета «дал ему с собой вина и закуски». А генерал-майора юстиции М.И. Панкратьева бдительные сослуживцы заподозрили в антипартийном поведении за «компрометирующий» рассказ о кремлёвском приёме в честь 60-летия Сталина. В силу такой «позолоченности» и «заповедности» кремлёвские приёмы прочно вписались в антураж и мифологию сталинской эпохи.

Обывательское любопытство к тому, что происходило за стенами Кремля, не заслуживает особых пояснений, однако академический интерес к кремлёвским приёмам требует обоснования. В.А. Невежин, конечно, не одинок в своём внимании к политическим торжествам. Так, политолог А.И. Щербинин уловил взаимосвязь советских политических праздников с драматургией власти и механизмом индоктринации общества¹². Большие кремлёвские приёмы представляют экстраординарный материал для придачи теоретическим построениям должного эмпирического веса. Автор монографии поставил вопрос о мотивации и времени зарождения традиции кремлёвских приёмов, о поводах к их организации и дворцовой топографии застолий, о ротации сталинской «питейной кампании» и ролевых функциях прочей публики, о программе правительственных мероприятий и интегральности советского этикета. Думаю, коллеги будут единодушны со мной: сам перечень задач интригует своей нетривиальностью.

При чтении книги становится очевидным, что замысел потребовал от историка многолетних усилий, чтобы систематизировать разрозненные факты и буквально по унциям выявить необходимые сведения, так как основной свод документальных материалов о кремлёвских приёмах до сих пор недоступен учёным. В орбиту поиска попали фонды И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича (РГАСПИ), делопроизводственная документация Комитета по делам искусств при СНК СССР (РГАЛИ) и секретариата Народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова (РГВА), разносортные материалы В.В. Вишневского, С.В. Образцова, С.М. Эйзенштейна, Л.О. Утесова, Н.Е. Вирты (РГАЛИ). Из источников личного происхождения были привлечены интервью, переписка, дневники, мемуары участников кремлёвских приёмов, в том числе неопубликованные записи воспоминаний. Часть обнаруженных документов (программы праздничных концертов, списки приглашённых на приём, денежные ставки артистов, дневники журналиста Л.К. Бронтмана) автор поместил в приложениях к монографии. Книгу дополняет ёмкий раздел с краткими биографическими справками о лицах, причастных к кремлёвским приёмам, кстати, достаточно полезный для перепроверки сведений о конкретных персонах. Кропотливый подбор источников тем не менее нельзя назвать исчерпывающим. В ГАРФ хранятся личные бумаги и фотографии кинооператора М.А. Трояновского, который снимал церемонию чествования полярников в Кремле (1938). Нельзя не попенять автору за невнимание к ведомственным газетам и журналам, например, к «Стахановцу», а также к республиканской и провинциальной прессе. Чтобы не быть голословным, позволю себе перечислить названия некоторых газет, где были воспроизведены воспоминания о приёме участников Всесоюзного совещания работников высшей школы (1938): «Уральский рабочий» (Свердловск), «Молот» (Ростов-на-Дону), «Советская Белоруссия» (Минск), «Большевицкое знамя» (Одесса), «Красная Татария» (Казань), «Днепровская правда» (Днепропетровск).

По подсчетам В.А. Неvejина, с апреля 1935 г., когда впервые в официальном порядке кремлёвские мероприятия были наименованы приёмами, власти провели к 1949 г. не менее 47 церемоний. За тот же период, как саркастически подметил автор, Сталин ограничился одним партийным съездом и единственной партконференцией. Думается, начальная дата и статистика кремлёвских

¹² Щербинин А.И. Драматургия власти // Полис. 1993. № 6. С. 105–109; *он же*. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96; *он же*. Коммуникативная природа политического праздника // Политический маркетинг. 2007. № 6. С. 5–25.

приёмов, предложенные в труде, потребуют корректировки. В книге мимоходом упоминается о проведении в Кремле первого за послереволюционное время праздничного обеда 1 мая 1925 г. Автор монографии не задерживается на этом событии, тогда как О.К. Кайкова считает данный факт отправным пунктом официальных приёмов в Кремле¹³. Невежин также оговаривает, что к началу 1930-х гг. сложился обычай угощать участников первомайских парадов и выпускников Военной академии имени М.В. Фрунзе в Кремле, где приглашённых ожидала небольшая концертная программа. Некоторые современники называли такие угощения «большими парадными банкетами»¹⁴, сам Невежин – «ворошиловскими завтраками». Аналогичный кремлёвским приёмам статус имел эксклюзивный правительственный банкет 24 июня 1934 г., которым, по существу, завершилась челюскинская эпопея. Между этими эпизодами и изучаемыми в книге «большими» кремлёвскими приёмами имелись несущественные отличия, но вряд ли они имеют решающее значение. Относительно же подсчета кремлёвских приёмов вкратце замечу: об иных торжествах с участием Сталина и его сподвижников, допустим, по случаю празднования 8 марта или в честь орденосцев, власти по неясным соображениям предпочитали не распространяться.

Дополнительного разговора заслуживает интенсивность кремлёвских приёмов в политическом календаре и биохронике Сталина. Их пик приходится на годы Большого террора и канун Великой Отечественной войны, когда целью государственной праздничной политики, по выражению Т.А. Кругловой и Н.В. Саврас, становится «переключение регистра страха в эйфорию веселья»¹⁵. Уменьшение количества приёмов в послевоенный период, видимо, свидетельствовало не только о физическом угасании диктатора и рецидивах отчуждённости, но также, вероятно, об округлении сталинской самооценки: после разгрома нацистской Германии и её союзников генералиссимус, будучи общепризнанным политиком мирового ранга, более не нуждался во флирте с советской общественностью и дополнительных знаках внимания с её стороны.

Традиция кремлёвских приёмов, согласно реконструкции Невежина, возникла из семейных праздников и служебно-кулуарных «посиделок», всегдашними которых составили «питейную кампанию» Сталина (добавим к ним ещё различные правительственные торжества в Колонном зале Дома союзов и дипломатические рауты на Спиридоновке). Таким образом, приёмы имели и органичный житейский контекст, который ускользнул от внимания автора. Легализация кремлёвских приёмов произошла вместе с ревизией патетической программы социалистического переустройства быта, частью которой являлась многолетняя антиалкогольная кампания. Судя по всему, Сталин относился к ней со скепсисом, если не с предубеждением. Дилемма «трезвость» или «привычки» регламентировалась им в пользу госбюджета, что, как известно, обернулось угасанием «Общества борьбы с алкоголизмом» и его пошаговой ликвидацией в начале 1930-х гг. Знаменитая сталинская фраза: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее» (1935), подытожившая смену потребительских акцентов, была адаптирована к бытовым реалиям наркомом А.И. Микояном: «Но почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому, что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили

¹³ Кайкова О.К. «Непрерывная борьба из-за квартир...». Повседневная жизнь в Кремле в 1920–1930-е годы // Родина. 2011. № 8. С. 41.

¹⁴ Дмитриевский С.В. Советские портреты. Стокгольм, 1932. С. 34.

¹⁵ Круглова Т.А., Саврас Н.В. Новый год как праздничный ритуал советской эпохи // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 76. № 2. С. 9.

именно чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь. Достанет иногда человек на бутылку водки и пьёт, денег при этом на еду не хватало, кушать было нечего, и человек напивался пьяным. Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьёшься. Весело стало жить, значит и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять и не во вред здоровью¹⁶ (этот пассаж был воспроизведён в легендарной «Книге о вкусной и здоровой пище» в 1939 г.). Подобный подход облагораживал сложившуюся к тому времени практику «культурных застолий», чьим образцово-показательным фрагментом и можно считать кремлёвские приёмы.

Автор монографии вскользь упоминает о кавказских культурно-бытовых истоках организации кремлёвских застолий, правда, неохотно развивает эту мысль в книге. По воспоминаниям сталинского земляка С. Цихитатришвили (их запись хранится в РГАСПИ), с раннего детства И. Джугашвили вместе со своими приятелями увлекался игрой, имитировавшей «взрослое» застолье. С годами фикция воплотилась в субкультуре кремлёвских приёмов, чья ткань была пропитана этнокомпонентами, в том числе, что закономерно, кавказскими. Достаточно припомнить сталинский тост «за здоровье Ленина» (1938), вызвавший оторопь у слушателей своей странностью, так как тост во здравие провозглашался за покойного. Но подобный оборот речи был вполне уместен в устах уроженца Грузии. Ещё рельефнее кавказские нюансы проявились в так называемых сталинских симпозионах в кругу доверенных лиц, которым будет посвящена вторая часть монографии В.А. Невежина («Обеды и ужины в узком кругу»). В то же время многие элементы кремлёвского церемониала, например, сталинская склонность на прощание одаривать «гостей» напитками и яствами с праздничного стола или инициатива самих «гостей» уносить остатки угощения, не были типичны для грузинского гостеприимства. Да и кремлёвский протокол, вынуждавший приглашенных ожидать Сталина и его соратников, расходился с кавказскими правилами приличия. Не вполне очевидна сталинская привычка угощать «гостей» из «своей» бутылки, когда он желал особо почтить конкретного человека. За многие годы жизни в России Сталин, по его собственному признанию, ощущал себя больше русским, чем грузином. Принимая во внимание многосложную природу «русскости» и в целом социальный опыт Сталина, нужно исходить из того, что кремлёвские приёмы следует изучать как комбинацию различных национальных, региональных и исторических традиций полиэтничного общества. Из множества житейских правил Сталин и его помощники были вправе выбирать те, которые казались им уместными, практичными или приемлемыми для большинства.

Согласно гипотезе Невежина, кремлёвские приёмы, будучи разновидностью застольного церемониала, выполняли разнонаправленные функции: дифференцирующую и интеграционную. Пермский историк В.В. Шабалин выделил схожие социальные функции «групповых вечеринок» провинциальной номенклатуры районного звена. Их назначение Шабалин свел к четырём позициям: укреплению связей внутри неформального сообщества; подтверждению статуса местного лидера и его рангового превосходства над остальными; инаугурации «новообращённых» как полноценных членов неформальной группы; маркировке «своих» и «чужих» среди участников «групповых вечеринок»¹⁷.

¹⁶ Микоян А.И. Пищевая индустрия Советского Союза. М., 1936. С. 136–137.

¹⁷ Шабалин В.В. Пьянка, выпивка, попойка (фоновые практики районной номенклатуры) // Алкоголь в России: материалы второй международной научно-практической конференции (Иваново, 28–29 октября 2011). Иваново, 2012. С. 24–25.

Фактически речь идет о тех же задачах консолидации и разграничения, так что напрашивается вывод о едином механизме, лежавшем в основе и кремлёвских «застойных», и периферийных «вечеринок».

Центральной фигурой среди «хозяев» приёмов был, разумеется, Сталин. Как отмечается в монографии, лишь единственный раз в ноябре 1940 г. он позволил себе пропустить кремлёвский приём. Опосредованно Сталин соучаствовал в церемонии, а в случае нарушения предписанного сценария удачно импровизировал: мог разразиться «одой» во славу женщин, мог незначайно облагодетельствовать своим вниманием рядовых «гостей», был обходителен с теми, у кого были проблемы со здоровьем, и даже мог поступить экстравагантно, чтобы поощрить одного из них. Он умел быть, по выражению актрисы Г. Жуковской, «импозантнейшим», галантным, радушным и трогательным, быть «совсем другим», так что иные «гости», лучше других знавшие нрав диктатора, испытывали досадное недоумение: «Ну почему он не всегда такой?» (только после войны, когда Сталин смирился со своим возрастом и держался преимущественно как созерцатель, общая обстановка приёмов, по свидетельству иных очевидцев, стала оставлять впечатление напряжённости и скованности). «Хозяева» располагались за центральным банкетным столом, который являлся подобием президиума партийного форума или трибуны Мавзолея.

О дихотомии «хозяева–«гости»» веско напоминали сотрудники НКВД. Они проверяли документы приглашённых, не допуская при этом никакой фамильярности. Не самая остроумная реплика музыканта джаз-оркестра В. Ершова при входе в Кремль обошлась артисту в восемь месяцев заключения. Чекисты неизменно присутствовали в парадных залах среди «гостей». Кстати, публика догадывалась о служебном статусе людей в одинаковых костюмах, потому что те всем прочим напиткам предпочитали «Нарзан». Своим видом они дисциплинировали одних и угнетали других. Например, ленинградский артист И. Смысловский ощущал обиду за то, что между «гостями» на страже сидели чекисты: «В один момент я было привстал, чтобы ясней увидеть наших вождей: Сталина, Молотова и других, и тут мой сосед деликатно попросил меня не вставать»— вспоминал он¹⁸. Когда в ходе приёмов случались, как принято говорить, нештатные ситуации, опять же вмешивалась охрана. Однажды, по воспоминаниям футболиста Николая Старостина, экзальтированная публика так нависла над правительственными челами, что всех руководителей пришлось вывести из Георгиевского зала, а само мероприятие досрочно завершить.

Помимо прочего, «хозяева» обладали преимущественным «правом голоса», и диалог между ними и «гостями» был во многом односторонним и неравноправным. Непременными атрибутами застолья являлись бесконечные тосты. Так как для Сталина кремлёвские приёмы, несмотря на их политический вес, были своего рода сеансом релаксации, он расчётливо не утомлял себя распорядительными функциями. Он никогда не выступал первым и тем более не обременял себя полномочиями «тамады», передоверяя эту беспокойную роль другим лицам. Иногда хвалебные слова Сталин заменял невербальными знаками внимания к человеку, давая понять взглядом или жестом, что поднимает бокал именно за него, или приглашая человека подойти к себе, чтобы чокнуться. Такое намеренное самоограничение отразилось на количестве его обращений к

¹⁸ Смысловский И.А. Мемуары артиста. Часть 4. На подмостках (URL.: <http://http://golos.ruspole.info/node/131>).

публике во время кремлёвских приёмов. Пока документально известно о 12 сталинских выступлениях. Архивные изыскания непременно расширят этот перечень. Если Сталин говорил пространно, это были не привычные прочувственные здравницы и пожелания, а рассуждения на конкретную тему. Иногда он изрекал банальности; порой мог удивить нетривиальностью мысли, – достаточно вспомнить его размышления о спорте на приёме участников физкультурного парада (1948).

Комплектование публики производилось в соответствии с грузинской притчей, которую Сталин однажды пересказал писателю Ф. Панфёрову: если ты позвал гостя к столу, то должен верить, что он друг, а не злодей. Благонадёжная аудитория гарантировала неприкосновенность руководства, а также информационную безопасность, так как на приёмах иной раз озвучивались государственные секреты, например, об участии советских волонтеров в испанской войне, или случались приступы откровенности первых лиц государства. С другой стороны, сталинские здравницы в честь Н.И. Бухарина, А.В. Косарева, Я.В. Смущевича и многих других «гостей» не убергли тех от трагической развязки. Гораздо реже случались обратные казусы. В 1938 г. был арестован артиллерист И.П. Граве. На очередном кремлёвском приёме Сталин, лично санкционировавший арест учёного, вдруг «обнаружил» его отсутствие среди приглашённых. При свидетелях он распорядился освободить человека. Исключение из числа «гостей» переживалось иными завсегдаями приёмов как симптом опалы или понижения собственного статуса. Поговаривали, будто у кинорежиссёра А. Довженко случился сердечный приступ, когда его не пригласили на очередной приём по случаю юбилея Сталина.

С возникновением традиции Больших приёмов советским лидерам пришлось серьёзно заняться – воспользуюсь выражением В.В. Глебкина, – «ритуалостроительством»¹⁹. В течение приёма «хозяева» и «гости» руководствовались тщательно структурированным кремлёвским протоколом. Его разработали под себя сами «хозяева», а новичков из числа «гостей» предварительно инструктировали, как себя вести в Кремле. Иногда званую публику наставлял лично А.Н. Поскрёбышев. Драматургия кремлёвского протокола регламентировала каждую фазу приёма: от своевременного размещения «гостей» в соответствии с «иерархией места» до момента, когда «гости» покидали Кремль. В монографии наиболее подробно разбираются четыре компонента церемониала: этикет, дресс-код, трапеза и концертная программа.

Так сложилось, что проблему этикета, когда речь идёт о современности, историки издавна переуступили этнографам и филологам. Разумеется, известны научные труды о русском придворном и сословном этикете до XIX в. включительно, однако советским этикетом занимались и занимаются единицы. Работы об этикете, написанные в послевоенные десятилетия под углом изучения коммунистического быта или социалистического образа жизни, трудно назвать академичными. Среди исключений укажу недавно защищённые диссертации Е.Е. Степановой о культуре быта советской военной элиты и А.А. Минкиной о воинском этикете Красной армии²⁰. Сталинская же эпоха хранит богатейший материал о нормативном поведении.

¹⁹ Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 17.

²⁰ Степанова Е.Е. Культура быта начальствующего состава Красной армии: 1921 – июнь 1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Минкина А.А. Воинский этикет Красной армии (1918 – июнь 1941 г.): Историческое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Еще в 1922 г. Политбюро поручило Наркоминделу разработать упрощённый советский этикет для дипломатического обихода. Сотрудники НКВД и Наркомвнешторга штудировали брошюру Н. Колчановского «Дипломатическая техника» (1935). Советских военных, командируемых в Испанию и Китай, также наставляли азам этикета, в особенности застольного. Не кто иной, как В. Чкалов, на собственном опыте убедившийся в безусловном значении светских условностей, поучал своих не столь посвящённых коллег: «Этикет надо знать!» Однако внимание к этикету было вызвано не только требованиями международной интеграции и приспособления. Партийно-государственная верхушка приобрела вкус к полнокровной жизни. Этикет же как регулятор общественных отношений оказался, по мнению В.А. Невежина, средством приобщения к привилегированной среде, а кремлёвские приёмы стали одной из площадок привыкания к правилам хорошего тона и стилю жизни. Приглашенные в Кремль деятели искусства, учёные и выходцы из дворянской среды, сохранившиеся в партийно-государственном аппарате, невольно выступали в качестве гувернёров. Личным примером они обучали прочих «гостей» светским манерам. С другой стороны, нельзя абсолютизировать обособляющую функцию этикета. Организаторы приёмов всё-таки стремились не к реставрации былого сословного этикета или к его замещению другими вариациями, а к созданию универсальной модели общегражданского поведения.

К проявлениям этикета относится и уместная манера одеваться. Участники приёма обязывались соблюдать кремлёвский «дресс-код», воплощавший идею социалистического достатка. У мужчин предпочтение отдавалось деловому и служебному покрою одежды. В дамских туалетах приветствовалась женственность и незамысловатая элегантность. Супруга дипломата А. Миронова-Король, имевшая по тем временам роскошный гардероб, при выборе платья для кремлёвского приёма ориентировалась на облик «партийных дам» типа П. Жемчужиной, которые предпочитали строгие костюмы и платья: «Там все партийные дамы, туда надо “синим чулком” в строгом костюме, Боже сохрани плечи, шею оголить!» – рассказывала она²¹. Чтобы соблюсти индивидуальность, женщины заказывали наряды у лучших московских портних. Актрисам полагалось вечернее платье. Не в пример остальным, именно служительницы муз, допустим, певица М. Максакова или скрипачка Г. Баринава, позволяли себе эпатировать «хозяев» и «гостей» довольно смелыми сценическими нарядами. Но даже актрисы не были избавлены от пристрастности Сталина, который мог объявить им, чей именно праздничный наряд надлежит считать образцовым. Его предпочтения отражались даже на их сценическом костюме. Так, реплика Сталина: «Зачем пачка?... Лучше платьице», заставила балерину О. Лепешинскую облачиться в хитон для исполнения танца. К сожалению, этот аспект в монографии специально не изучался.

Переменчивые вкусы Сталина и остальных высокопоставленных гурманов нашли своё отражение в привередливом «меню социализма». Его кулинарным воплощением занимались специалисты кремлёвской столовой и лучших столичных ресторанов, например, «Метрополя», а также повара из обслуживающего персонала Сталина (И. Роземашвили и др.). Будучи с молодых лет отменным

²¹ Яковенко М.М. Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о её юности, о счастье и горестях трёх её замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Миронову, о шикарном курортах, приемах в Кремле и... о тюрьмах, атаках, лагерях, – о жизни, прожитой на качелях советской истории. М., 1997. С. 124.

кулинаром, Сталин лично благодарил поваров, которые обслуживали приём, за проявленное мастерство. При необходимости меню составлялось с вкраплением национального колорита. Например, москвичам и участникам декады бурят-монгольского искусства было предложено 36 блюд, включая баранину в бульоне, позы, печень на углях, саламат, фаршированный омуль, черёмуху со сметаной, кумыс, кисель из облепихи, зелёный чай с молоком и т.д. Отчасти о кулинарных изысках кремлёвских застолий можно судить по вышеупомянутой «Книге о вкусной и здоровой пище» (она, кстати, оказалась незаменимым источником по истории питания в СССР, что недавно продемонстрировал в своем исследовании Э. Гейст²²). Алкогольные напитки были представлены в самом хрестоматийном ассортименте: коньяк, водка, красные и белые вина, крымское шампанское – все отечественного производства.

Оговаривает Невежин и такой деликатный вопрос, как отношение Сталина и его сотрапезников к алкоголю. О том, насколько пагубная склонность к нему в течение 1930-х гг. укоренялась в советском обществе, можно судить по общераспространенности взысканий по партийной линии за «бытовое разложение». Даже на уровне Политбюро выносились постановления, осуждавшие «банкеты и вечера с обильной выпивкой», а нарком обороны К.Е. Ворошилов в декабре 1938 г. вынужден был издать специальный приказ «О борьбе с пьянством в РККА». Сам Сталин в быту, как известно, не был ни эпикурейцем, ни пуританином. Алкоголь являлся будничной статьёй его рациона. Долгое время у Сталина почётом пользовалась водка, о которой он позднее с удовольствием повторял фронтовую присказку: «Чиста, как слеза божьей матери, крепка, как Советская власть». Отказ вождя от крепких напитков произошёл из-за обострения хронических болезней, в частности, псориаза. В конце концов, овдовевший Сталин вынужден был сосредоточиться на лёгких винах «Атени», «Хидистави», «Цинандали», «Хванчкаре», «Киндзмараули», чьим целебным свойствам он доверял. В поисках вкусового разнообразия смешивал белое и красное вино, а на склоне жизни не чурался молодого вина «Маджари» – он называл его соком. Чтобы сохранить лицо, Сталин прибегал в ходе кремлёвских приёмов к нехитрым уловкам: пил минеральную воду или пользовался узкой рюмкой из очень толстого стекла, чем минимизировался её объём. Порой всё равно не обходилось без казусов, и тогда захмелевшего Сталина соратники церемонно уводили с приёма: «Чтобы как-то скрыть опьянение Сталина, Ворошилов и Маленков шли вплотную по бокам, сзади подпирал Каганович, а спереди прижался Ежов. Так и “поплыли”, тесной кучкой», – вспоминал один из таких эпизодов А.И. Мильчаков²³.

Приглашенная в Кремль публика подчинялась примеру и уговорам «хозяев». Порицая некоторых «гостей» за умеренность, Сталин или протокольный тамада могли проявить настойчивость, принуждая их поддерживать каждый тост. Принципиальное нежелание «гостя» соблюдать общий настрой могло усугубить или спровоцировать у Сталина неприязнь к человеку, что, например, случилось с председателем Госкинокомитета Б.З. Шумяцким. Справедливости ради следует сказать, что такая назойливость имела свои границы. Иногда Сталин, наоборот, пытался тактично или настоятельно урезонить именитых бражников. Заметно подгулявших «гостей», особенно тех, кто не мог совладать со

²² Geist E. *Cooking Bolshevik: Anastas Mikojan and the making of the «Book about delicious and healthy food»* // Russian review. 2012. Vol. 71. № 2. P. 295–313.

²³ Мильчаков А.И. «Писать всё-таки надо!...» // Смена. 1988. № 13. С. 31.

своими восторженными чувствами к Сталину, охрана выводила из зала и аккуратно доставляла на дом или в гостиницу. Тем самым оберегалась репутация «гостей» и заодно отводились кривотолки о правительственных банкетах.

Организаторы кремлёвских приёмов копировали дипломатические рауты, увязывая протокол с концертными номерами. К сталинским фаворитам относились И.С. Козловский, А.В. Александров, М.Д. Михайлов, И.А. Моисеев, С.В. Образцов, В.А. Давыдова, О.В. Лепешинская и другие. К примеру, С. Образцов выступал в Кремле перед Сталиным более 20 раз. С другой стороны, многие одарённые люди, скажем, певица Л. Русланова, чей талант Сталин признавал и дома слушал её грамзаписи, лишь изредка появлялись в Кремле в силу сталинской неприязни. В целом праздничные представления не обходились без виртуозов художественного слова, певцов и музыкантов, артистов балета, цирка и театра марионеток. В таком виде кремлёвский дивертисмент достаточно метко резюмирует дневниковая фраза академика С.И. Вавилова: «Концерт – помесь Улановой с хором Пятницкого»²⁴.

Именно артисты, располагавшиеся вблизи коридора, через который появлялись «хозяйева», первыми встречали Сталина и его свиту. «Хозяйева» были благодарными зрителями и слушателями, любили аплодировать. Когда исполнялись популярные песни, «хозяйева» вместе с «гостями» подпевали артистам. Самым непоседливым среди них был К.Е. Ворошилов. Он находил время для уроков вокала, с удовольствием пел на приёмах, в шутку мог дирижировать джаз-оркестром. Иногда пример подавал сам Сталин. Вместе с грузинскими артистами он с удовольствием пел народные карталинские и гурийские песни. Иногда «хозяйева» по ходу приёма уединялись в отдельной комнате, куда приглашали избранных артистов. Там в более приватной обстановке они смаковали чужие таланты и похвалялись своими. Праздничную программу, как уточнил Невежин, завершал танцевальный эпилог, наступавший обычно, когда приём покидали Сталин и его соратники. Примечательно, что «хозяйева» покидали приём одновременно и в полном составе и поэтому никогда не танцевали.

Участники концерта выступали в промежутке между тостами, исполняя свои номера «под звон бокалов и стук вилок». Иным «гостям» было неудобно есть во время выступлений таких корифеев, как И. Козловский или Г. Уланова. Именно поэтому некоторые мэтры сцены, например, певец С.Я. Лемешев, не особо радовались своему участию в кремлёвских концертах. Раблезианская обстановка компенсировалась внушительными денежными гонорарами (как подтрунивали сами артисты, «кремлёвским леваком»), а также, что было немало важно, расчётом на покровительство со стороны всемогущих «меценатов». Случалось, что в разгар или под занавес веселья люди искусства, такие как И. Москвин, Т. Макарова, Н. Вачнадзе или Я. Леонтьев, хлопотали перед вождами за пострадавших или нуждавшихся в помощи.

Предложенные В.А. Невежиным параметры изучения Больших кремлёвских приёмов позволяют сделать базовые выводы об этом социокультурном феномене. Будучи самовыражением режима, они наряду с московским метро или Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой превратились в помпезную экспозицию советских достижений в области гармонизации общественно-политической сферы, культуры и потребления. Сталин подтвердил свои недюжинные задатки церемониймейстера, метрдоителя и сомелье, обратив приёмы в

²⁴ Вавилов С.И. «Мысль об эволюции мира – единственное абсолютное, за что ещё можно держаться сознанием» // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 2. С. 26.

лабораторию официального политеса и курсы комильфо. В контексте политехнологий, которыми пользовался режим для своей легитимации, приёмы выглядели как инаугурационные акции с участием эрзац-элиты и «лучших людей» страны. В кремлёвских церемониалах отражался процесс кристаллизации привилегированных прожилок в различных страхах советского общества. В своей сумме «хозяева» и «гости» составляли идеальный советский социум в миниатюре. Вместе с тем приёмы скорее характеризовали политический Олимп и его обитателей, нежели советское общество в его аутентичном виде. Основанные на принципах иерархичности и субординации, они культивировали патриархальный образ верховной власти. В этом, во-первых, заключалась их аутентичность для сталинской эпохи, во-вторых, реликтовость. Видимо поэтому кто-то из коллег по театру, или побывавший или наслышанный о кремлёвских торжествах, однажды предложил ленинградскому режиссеру Л.С. Вивьену при постановке сцены пира у Макбета вспомнить о правительственных приёмах в Кремле – настолько переключалась современность с архаикой.

Рудольф Пихоя: Имперский размах, адресованный стране и миру

Новая книга В.А. Неvejeина продолжает исследования в многообещающей области научных исследований – изучении политического этикета и протокола. В отечественной историографии у него немного предшественников. Едва ли не ближе всего оказываются к его работе книги И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках» и «Домашний быт русских цариц в XVI–XVII веках». Многогранность изучаемого феномена – складывания и развития церемониала высших органов государственной власти – позволяет получить информацию и о культурных стереотипах эпохи, и о недоступных для понимания иными средствами изучения механизмах осуществления власти. И чем более закрыта от мира эта политическая система, тем важнее становится анализ её внешних проявлений, к числу которых и относится государственный протокол и его осуществление.

Невежин изучает один из аспектов этого протокола – государственные приёмы в Кремле в 1930-х – первой половине 1940-х гг. Хочу отметить в высшей степени основательную источниковую основу книги. Приложения к тексту книги – от перечня участников приёмов до репертуаров кремлёвских концертов – чрезвычайно информативны.

Что ещё привлекло меня в книге? Среди многочисленных сюжетов я хотел бы обратить внимание на то, что автор установил время, когда «ворошиловские завтраки» – встречи руководства страны с выпускниками военных академий, проходившие со второй половины 1920-х гг., – сменились государственными приёмами, устраивавшимися ЦК ВКП(б) и правительством СССР. Это время – середина 1930-х гг. – стало во многом поворотным в развитии официальной идеологии, когда руководство СССР начало осознать и демонстрировать свою преемственность с Российской империей. Идеологический разворот коснулся многих сторон жизни, а кремлёвские приёмы с их имперским размахом, адресованным стране и миру, должны были свидетельствовать о новом этапе развития страны.

Сведения о близости к «хозяину» на приёмах и на неформальных обедах позволяют выявить узкий круг представителей власти, в разное время близких к Сталину. Существенно и то, что близость к «хозяину» далеко не всегда совпадала с формальным местом человека в партийной или государственной таблице

о рангах. Заслуживают внимания данные Невежина о репертуаре кремлёвских концертов, стремление совместить в нём российскую и западную классику с советской пропагандистской песней, что не могло не влиять на политику государства в области культуры.

Направление, разрабатываемое В.А. Невежиным, безусловно перспективно. Тем не менее, это не избавляет книгу от ряда недочетов. Непонятны хронологические рамки работы. Если нижняя дата обоснована, то верхняя представляется довольно произвольной. Формально военные приёмы закончились не 24 мая 1945 г., когда были приняты командующие войсками Красной армии, а 25 июня 1945 г., приёмом участников Парада Победы, который оказался вне поля зрения автора. Не очень понятно, почему автор оставил за рамками работы другие приёмы 1945, 1947, 1948 и 1949 гг. Он уделил значительное место в книге речи Сталина на приеме 24 мая 1945 г. о русском народе. Без сомнения, это важная тема. Однако она выходит за проблематику книги и должна быть объектом другого исследования.

Ольга Голечкова: Кухня политических решений

Начиная с 1980-х гг. в западной историографии, и примерно с 1990-х гг., в российской в рамках так называемой новой политической истории всё чаще становятся востребованными нетрадиционные подходы к изучению власти и её структур. В это направление вписывается и исследование В.А. Невежина, поскольку в фокусе его внимания оказалась не только собственно политическая составляющая Больших кремлёвских приёмов, но и оценка их как актов самопрезентации власти, причём особое внимание уделяется их ритуальной стороне и ролевым функциям участников этих действий.

В постановочной части застолья характеризуются как своего рода «моделирующая структура», в которой отражаются все «значимые черты политического сообщества» (с. 47). Говоря о специфической роли дружеских застолий, которые, как правило, проходили в кремлёвской квартире или на «ближней даче» Сталина (с. 52), Невежин показывает, что на них в неформальной обстановке обсуждались и решались важнейшие политические вопросы (с. 51–52). Отсюда он делает важное заключение: воспоминания участников застолий (Микояна, а также С.И. Аллилуевой и М. Джиласа) позволяют поставить под сомнение расхожее мнение о том, что Сталин с середины 1930-х гг. всё реже согласовывал важнейшие решения с представителями своего окружения. Так, например, по свидетельству Молотова, часто во время застолий «вождь интересовался текущими делами, и тут же, за столом, вместе с членами Политбюро ЦК ВКП(б) устраивал их обсуждение» (с. 51). Иными словами, именно обеды и ужины ближнего круга Сталина являлись своего рода кухней принятия политических решений.

Представляется, что приводимый автором материал может быть основой и для более радикальных выводов о том неформальном сообществе, которое в исследовании обозначено как «питейная компания». Участие в застольях свидетельствовало об исключительной политической влиятельности приглашаемых к Сталину лиц. Встречи «питейной компании» способствовали сплочению и раскрепощению сталинских соратников, стимулировали формирование между ними более или менее доверительных отношений. Наконец, анализируя то, что происходило во время сталинских застолий, можно приблизиться к пониманию реальных взаимоотношений между вождём и его ближайшим окружением,

оценить уровень «коллегиальности» при обсуждении тех или иных вопросов и принятии по ним решений. Другое дело, что из-за скудости заслуживающих внимания сведений произвести такую реконструкцию чаще всего невозможно. Но важно уже хотя бы то, что книга позволяет вплотную приблизиться к постановке этой проблемы.

Предшественники Невежина сформулировали набор необходимых требований, которые Сталин, по их мнению, предъявлял к соратникам. Сюда отнесены личные психологические качества, организаторские способности, внешний облик и физические данные (с. 23). Автор добавил в приведённый перечень качеств ещё один критерий – принадлежность к «питейной компании». Участие в застольях являлось, по мнению исследователя, одним из важнейших условий для вхождения в сталинскую эрзац-элиту. На этом утверждении стоит остановиться более подробно. Автор отталкивается от утверждения о причастности того или иного деятеля к «питейной компании», а уже далее взвешивает его влияние и делает вывод о существовании эрзац-элиты. Но такая схема представляется уязвимой. Здравый смысл требует по умолчанию признать каждого участника «питейной компании» влиятельным лицом. Отсюда появляется ряд вопросов. Совпадало ли усиление влиятельности того или иного функционера с попаданием в «питейную компанию»? В чем конкретно проявлялась отмеченная синхронность, если, конечно, она имела место? Каким образом присутствие на обедах Сталина могло влиять на принятие конкретных политических решений? Как представители «питейной компании» предлагали свои идеи вождю? Могли ли они просто выступить с предложением или проектом во время очередного «заседания»? Или ритуал застолий позволял некоторую инициативу только после непосредственного обращения Сталина к одному из них? Вряд ли можно рассчитывать на обнаружение большого числа источников, иллюстрирующих эту картину. Тем не менее именно лоббирование или даже просто обсуждение тех или иных решений на неформальных встречах представляет особенный интерес.

Большие приёмы стоят особняком по отношению к отмеченному выше феномену. Если застолья вождя представляли собой своего рода квазиколлегиальный орган управления и являлись властным эпицентром сталинской системы, то Большие приёмы были типичными политтехнологическими или пропагандистскими акциями, проводившимися в Большом Кремлёвском дворце в 1930-е гг., во время и сразу после окончания Великой Отечественной войны. Невежин делит участников приёмов на три основные группы. К первой относились Сталин и его ближайшее окружение – «хозяева» банкетов. Интересной находкой автора стал выявленный им своеобразный рейтинг фигур из ближнего окружения Сталина. Редактируя публикации о приёмах в прессе, Сталин сам определял порядок, в котором перечислялись его соратники. Первые места в иерархии неизменно принадлежали членам «питейной компании» – В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову и Л.М. Кагановичу (с. 139–140). Автору удалось проследить некоторые связи между участием в банкетах и продвижением по карьерной лестнице. Так, например, Н.И. Ежов первый раз присутствовал на приеме в числе «хозяев» 13 августа 1936 г., за неделю до начала громкого процесса «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». По мнению Невежина, приглашение стало своего рода благодарностью Ежову за подготовку этого дела (с. 147–148). В 1937 г., когда карьера Ежова достигла апогея, он переместился с восьмого на пятое место в рейтинге. И наоборот, когда глава

НКВД начал терять свои позиции, в «правдинском» отчете о банкете 17 апреля 1938 г. он упомянут девятым (с. 172). Вместе с тем этот рейтинг можно было бы дополнить другими оценочными критериями. Например, посчитать, с какой частотой произносились тосты за тех или иных деятелей, а также проанализировать их содержание. Так, на приеме 2 мая 1933 г. Сталин не просто провозгласил тост за Ворошилова, но назвал его «лучшим учеником Ленина». Также, возможно, рейтинговая картина в большей степени отражала бы реальное положение лиц из верхнего слоя элиты, если бы при её составлении учитывалась частота упоминаний последних в прессе.

Другой категорией участников банкетов были «гости». Несмотря на то что «хозяева» обладали несопоставимо более значительным политическим весом, для спектаклей требовались зрители – их же можно назвать своего рода массовой представленной. Представляется, что выделенная автором общность «гостей» может быть разделена на две подгруппы. К первой относились «звезды» – летчики, устанавливавшие рекорды, выдающиеся военные деятели и т.п. Эти лица получали возможность упрочить свой авторитет в глазах коллег, присутствовавших на банкете, а также в масштабах всей страны – через газетный отчет о кремлёвском приеме. Во вторую подгруппу входили менее выдающиеся «гости». Среди них были преподаватели военно-учебных заведений, жены и сослуживцы «звезд», рядовые партийцы. Так, например, «гостями» приёма, посвященного Дню Военно-морского флота (27 июля 1939 г.), стали не только представители командного состава, но и простые артиллеристы, минеры, торпедисты, а также слушатели военно-морских учебных заведений, судостроители (с. 205). Члены этой группы восхищались Сталиным, достижениями «звезд», успехами страны, тем самым упрочивая авторитет вождя и «гостей» из первой подгруппы. Эта общность представляется не менее важной, поскольку, как можно предположить, именно они потом с восторгом рассказывали знакомым и родственникам о великолепии приёмов, величии и отеческой доброте первого лица и заслугах соотечественников.

Возникает закономерный вопрос: в какой мере участие в приёме в качестве рядового участника меняло социальный статус человека? Ещё одно возможное направление анализа – изучение восприятия банкетов «гостями» и простыми советскими гражданами. Отчасти оно реализовано автором. Так, он показывает, что в среде военной элиты приглашение в Кремль на приём 8 ноября 1939 г. вызвало «исключительный подъем», особенно у тех представителей этой корпорации, которые в силу своего происхождения имели основание не ощущать себя вполне «своими». В частности, комдив Ф.П. Шафалович отметил, что очень рад тому доверию, которое «стали оказывать старым преподавательским кадрам Академии Генерального штаба РККА», а Н.П. Шварц при вручении ему приглашения заплакал от радости и «бросился целовать секретаря парторганизации» (с. 202).

К третьей группе «исполнителей» Невежин относит артистов, выступавших на приёмах. Как правило, вождь принимал непосредственное участие в составлении программ банкетов. Анализ привлечённых автором источников подтверждает мнение Е.С. Громова, что «простенькая мелодия “Сулико”» не была «пределом музыкального восприятия» вождя (с. 18–19). Кандидатуры исполнителей предварительно одобрялись Комитетом по делам искусств СНК СССР, а также проверялись органами НКВД (с. 324). Несмотря на жёсткий контроль, звёзды советской сцены, имевшие «неподходящих» родственников

(эмигрантов, репрессированных или принадлежавших по происхождению к бывшим «эксплуататорским классам»), всё же могли быть допущены к участию в кремлёвских концертах, если их талант перевешивал неумолимые доводы классового подхода. Так, балерина О.В. Лепешинская происходила из дворянской семьи, а многие её родственники были репрессированы (с. 230). Когда же Сталину сообщили о том, что на солиста Большого театра И.С. Козловского собрано «два мешка компромата», он достаточно резко заявил в ответ: «Хорошо, мы посадим товарища Козловского, а петь кто будет – Вы?» (с. 232).

Жёсткими были не только отбор участников концертов, но и пропускная система Кремля, а также его охрана. Процедура проникновения в Кремль, как отмечает Невежин со ссылкой на участников представлений музыканта Ю.Б. Елагина, балерину М.М. Плисецкую и других, могла занимать длительное время. Плисецкая утверждает, что артистам не разрешалось с собой брать ничего лишнего, даже костюмы предлагалось одеть заранее. У ворот Кремля проводилась тщательная проверка, вплоть до пролистывания нот и прощупывания деталей костюма (с. 288, 289). В комнатах ожидания перед выходом на сцену и даже в кулисах находились представители охраны.

Общий вывод автора заключается в том, что торжественные публичные инсценировки прежде всего служили «средством представления авторитета», а также давали возможность носителям власти «осознать своё место» в структуре управления (с. 25). «Исполнители» способствовали театрализации действия. В книге вообще уделяется много внимания ритуалу и этикету больших кремлёвских приёмов. Приведённые в монографии факты свидетельствуют о том, что главный герой приёмов – Сталин – аккуратно поддерживал определённый имидж, транслировавшийся на протяжении многих лет. С одной стороны, вождь обычно держался достаточно скромно, выглядел просто и доступно, нередко по-свойски разговаривал с участниками банкетов, даже демонстративно принижал себя. Так, на заявление В.П. Чкалова о готовности умереть за Сталина тот ответил: «Я вам советую... не ставить себе задачу умереть за кого-либо... особенно за стариков, вроде меня» (с. 275). При этом, как отмечает Невежин, намерения приглашённых поговорить со Сталиным, равно как и простые движения в направлении стола, за которым находились вождь и его ближайшее окружение, как правило, пресекались. Когда после выступления актриса Л. Орлова пожелала выпить за Сталина и попыталась приблизиться к столу президиума, несколько охранников бросились к ней, чтобы остановить её продвижение в сторону вождя. И хотя Сталин, рукой приказав охране отступить, постарался сгладить ситуацию (с. 286), сам факт её возникновения представляется весьма значимым. С другой стороны, Сталин не позволял опускаться планку: не злоупотреблял алкоголем, не допускал панибратства с пришедшими на приём. В книге упоминаются два случая, когда Чкалов прерывал застольную речь Сталина. Оба раза вождь резко осадил летчика (с. 271–278). Вместе с тем он охотно демонстрировал чувство юмора, гостеприимство, приветливость, сердечность, хотя никогда не выступал в роли тамады.

Отдельное место в книге уделено изучению декад национальных искусств и приёмов в их честь. Они проводились от имени и под непосредственным контролем созданного в начале 1936 г. Комитета по делам искусств при СНК СССР. Большинство из них, как пишет Невежин, готовилось в максимально сжатые сроки и нередко при непосредственном руководстве московских культурных деятелей. Декады, а затем и приёмы, их завершавшие, были призваны

продемонстрировать «расцвет национальной культуры» и «единение» народов. Между тем в обстановке спешки в мероприятиях нередко принимали участие посредственные деятели, как правило, присланные из столицы, на скорую руку сочинявшие «национальные» оперы и балеты. Известный музыкант Ю.Б. Елагин предложил следующую стандартную схему «создания национальных искусств». Одному из московских композиторов «среднего качества» предлагалось отправиться в какую-либо республику с целью ознакомиться с народным фольклором. Затем за «приличную плату» данный композитор готовил национальную оперу или балет. Работа по постановке этих произведений также проводилась при помощи московских музыкантов, певцов (с. 112–113). В итоге «мастерство подменялось зрелищностью, парадностью» (с. 111). Плисецкая называла декады «показушными», но между тем признавала наличие положительных сторон этих мероприятий. Они «мобилизовали творческих людей до крайности. Все работали на пределе» (с. 113).

В последнем разделе исследования анализируются некоторые известные речи вождя. Автор, в частности, проводит скрупулёзный анализ знаменитого тоста о «русском народе» на кремлёвском приеме 24 мая 1945 г. и показывает, что при редактировании стенограммы для публикации Сталин вычеркнул значительную часть произнесенного им текста. Так, при перечислении качеств русского народа вождь употребил оборот «крепкая спина», но затем, очевидно, решил, что такая характеристика «слишком откровенно выдает его мысли», подводит к выводу, что в экстремальных условиях войны советское руководство «выехало на спине» русского народа. Такого рода уточнения, отмеченные Невежиным и дополнительно проиллюстрированные материалами других источников, представляют знаменитую речь Сталина в совершенно ином свете. Кроме того, автор приводит многочисленные высказывания, свидетельствовавшие о реакции общества на сталинские слова, о влиянии речи на национальные настроения и о том, какие политические коррективы она за собой повлекла (с. 368–380). Так, работник Комиссии по сортоиспытанию зерновых культур Баев заявил, что если бы такую речь произнес кто-либо другой, то его тут же обвинили бы в «великодержавном шовинизме» (с. 370). Учительница А.П. Протопопова утверждала, что русский народ, услышав этот тост, «буквально плакал от наплыва чувств, от гордости и радости» (с. 377).

В целом книга В.А. Невежина представляет собой уникальную попытку вывести отечественные исследования по политической истории на совершенно иной уровень. Отказываясь от классических подходов к анализу политической ситуации рассматриваемого периода, автор обратился к изучению ритуальной стороны «сценариев власти» (термин Р. Уортмана) И.В. Сталина. Воспринимая приёмы как сложный многослойный феномен, автор выделяет особую систему иерархии в проведении банкетов, распределение функций и ролей, а также символические ритуалы. Это явление Невежин рассмотрел в комплексе других тем – непосредственного управления «империей», взаимоотношений в кругах политической элиты, культурной политики. Затем автор намечает крупными мазками общую картину – воздействие приёмов на политическую ситуацию в стране, изменение статуса лидера нации и правительства в целом и реакцию рядовых представителей закрытого советского общества на происходившие изменения. Такие импрессионистические мазки не позволили детально прорисовать отдельные куски полотна, но зато наметили целый блок разнообразных направлений для дальнейшего изучения.

Не раз отмечалось, что в советское время (за исключением «оттепели» и перестройки) оставалась запретной тема сталинских репрессий, т.е. тема «кну-та». С «пряником» дело обстояло лучше, однако речь при этом шла лишь о подлинных или мнимых достижениях советской власти, укреплявших её авторитет в массах. С точки же зрения того, как это сказывалось на авторитете «вождя», вопрос не исследовался – изучение темы сталинской политики (не просто советской, а именно сталинской) в любом её аспекте не приветствовалось. То же можно сказать и о прочих руководителях СССР, ибо «персональный» подход сразу же выводил на многие весьма «неудобные» вопросы, да и вообще на официальном уровне не принято было связывать эпоху с именем того или иного деятеля, кроме ныне «царствующего», за исключением разве что Ленина.

В этом смысле исследование В.А. Невежина можно считать новаторским уже в силу его тематики. И хотя для самого автора она не нова – достаточно вспомнить его прежние публикации на данную тему, – но в одном случае это были документы и материалы²⁵, а в другом – застольные речи Сталина²⁶, тогда как в обсуждаемой монографии впервые комплексно рассматриваются кремлёвские приёмы в целом. Перед нами предстаёт полнокровная картина самих приёмов, а также источниковедческие и методологические проблемы, встающие в процессе их изучения. Проблемы эти связаны прежде всего со свидетельствами очевидцев: те, кто делился впечатлениями в официальных изданиях того времени, был скован рамками дозволенного и самоцензурой, а те, кто предавался воспоминаниям в 1980-х гг. и позже, многое забыли и к тому же находились под влиянием другой «цензуры» – читательской. Как верно заметил цитируемый в книге Г.А. Скороходов, «иногда не покидает ощущение, что авторы точно рассчитывают, что именно стоит вспоминать» (с. 34). Добавим: и как именно. Но обойтись без мемуаров невозможно, и Невежин, как кажется, сумел отделить анекдоты и lapsus memoriae от вполне правдоподобных свидетельств. Это важно вдвойне, поскольку доходит до прямых подлогов, как то имело место с «исповедью» народной артистки РСФСР В.А. Давыдовой (с. 37).

Требуется, однако, поправка утверждение автора о том, что мемуаристы, писавшие в хрущёвское и брежневское время, стремились оправдать своё поведение в сталинскую эпоху, которая-де в соответствии с решениями XX съезда «оценивалась преимущественно с критических позиций» (с. 33–34). Дело в том, что сама эпоха даже при Хрущёве оценивалась положительно, критике же подвергался лично Сталин и некоторые его приближённые. При Брежневе же образ «вождя» стал откровенно идеализироваться – правда, не столько в официальных текстах, сколько в кинематографе и литературе, но они-то как раз имели выход на более широкую аудиторию.

Прежде чем приступить к анализу источников, автор даёт представление о застолье, пире как о явлении культурологическом, с его особой атмосферой и отношениями между участниками совместной трапезы. Здесь напрашивается параллель с пирами Владимира Святославича, которые столь полюбили летописцам (хотя пиры устраивал любой князь)²⁷. Но и из приёмов советского

²⁵ Невежин В.А. Большие кремлёвские приёмы Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003.

²⁶ Невежин В.А. Сталин о войне: Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007.

²⁷ См.: Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 1997. С. 291.

времени в памяти потомков остались *par excellence* сталинские приёмы. И совпадение это, думается, не случайно: в обоих случаях речь шла не просто о «протокольных» мероприятиях²⁸, а о своего рода социальной программе. Владимир, если верить летописи, приказывал развозить снедь, чтобы ею насыщались те, кто не мог передвигаться сам, а большинство людей получали доступ к продуктам и блюдам, о которых в повседневной жизни могли лишь мечтать. Любопытная параллель: во время пиров, если верить легенде, дружинники стали жаловаться, что им приходится «ясти деревянными лжицами, а не серебряными», и Владимир велел «искovati лжицы серебряны ясти дружине»²⁹. Сталин же сам заявил артистам на одном из «ворошиловских завтраков» в 1932 г., что они, по его мнению, «одеты не так, как должны быть одеты артисты великой страны» и пообещал, что вскоре положение будет исправлено (с. 239). В этом эпизоде нашла отражение не просто тема дресс-кода. Речь шла о том, что элита страны должна выглядеть подобающим образом, тогда как еще совсем недавно руководство считало: «Мы не придаём никакого значения всяким церемониям и стараемся их упростить» (с. 242). Теперь же, если верить сообщению современника, без вечернего платья женщину могли не пустить на приём (с. 239).

Кремлёвские банкеты становились признаком принадлежности к элите, но в то же время участниками приёмов зачастую были простые люди, которым приходилось по мере сил приобщаться к правилам хорошего тона. Тем самым пиршества выполняли и политическую, и культурную функцию. Правда, преувеличивать эту последнюю роль не стоит – приобщение шло как бы на ходу, да и насколько оно влияло на дальнейшее поведение людей из слоёв, для которых сложные формы этикета были чужды, сказать трудно. В этом отношении характерно поведение публики во время выступлений артистов: обычно стоял шум, люди были заняты разговорами и едой, особенно в задних рядах, где было плохо слышно, что происходит на сцене. Как с горечью заметил один из лучших певцов Большого театра А.С. Пирогов по поводу выступления народного артиста СССР Л.М. Леонидова, «такой актёр неизвестно для кого читает под звон бокалов и стук вилок» (с. 305). Всё это весьма напоминало выступления провинциальных актёров и музыкантов перед пирующими купцами. Сам Сталин, правда, проявлял к искусству мастеров сцены неподдельный интерес, но водворить порядок во время музыкальных и драматических номеров не пытался. В связи с этим вспоминается эпизод из других времён, когда Ф. Лист перестал играть, как только Николай I начал беседу со своим адъютантом. Дерзкому композитору велели немедленно покинуть Петербург³⁰, но в любом случае он показал дурно воспитанному монарху, что не позволит не уважать себя. Нетрудно догадаться, что никто из артистов на сталинских приёмах себе такого не позволял.

Примечательно и другое обстоятельство. Несомненно, важнейшей целью для Сталина на этих мероприятиях было самопрославление, наслаждение всеобщим поклонением и обожанием³¹, но также и неформальная обстановка, что

²⁸ Правда, трудно признать удачным доказательство важности кремлёвских приёмов, которое использует автор: «Всего с мая 1935 по май 1941 г. был проведён 41 Большой кремлёвский приём. Для сравнения, за указанный период имело место всего лишь 14 партийных форумов» (с. 382). Важность мероприятия частотой его проведения не определяется.

²⁹ ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 126; Т. II. М., 1998. Стб. 111.

³⁰ Берне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008. С. 141.

³¹ Любопытно замечание В.О. Печатнова по поводу отказа Сталина принять участие в банкете в честь короля Георга VI в июне 1945 г. Там генсек оказался бы отнюдь не в центре всеобщего

отличало такие застолья от дипломатических приёмов и позволяло несколько расслабиться. Именно несколько, ибо Сталин как истинный политик всегда был «на работе»: за трапезой обсуждал с приближёнными важные вопросы (практика, известная с древности) и следил за поведением присутствующих, чтобы при необходимости должным образом на него реагировать. Однако труднее было «расслабиться» остальным, поскольку большинство из них оказывалось в совершенно необычной обстановке (у выступавшего в качестве конферансье Е.В. Самойлова из-за бесчисленных волнений даже развился радикулит), но даже те, кто попадал на банкет не в первый раз, учитывали присутствие большого числа сотрудников «органов», которые не только помогали нередко терпящимся гостям занять отведённые им места и следили за порядком, но и внимательно слушали, о чём присутствующие говорят между собой. Те, очевидно, умели держать язык за зубами – о случаях, когда кто-то имел неприятности из-за неосторожных разговоров на приёмах, в книге не сообщается. А вот о том, что кое-кто не прочь был унести с собой неположенное со стола – известно, чего, впрочем, и следовало ожидать, учитывая тогдашнюю весьма скудную жизнь и не самый высокий уровень воспитания у многих приглашённых.

Бдительность сотрудников охраны, впрочем, приводила и к неловким ситуациям, как с Л. Орловой, в которую они едва не вцепились, стоило ей подойти «слишком» близко к Сталину, чтобы предложить за него тост. Любопытен в этой связи случай, когда В.П. Чкалов не только прервал речь вождя возгласом «Умрём за Сталина!», но и повёл лётчиков – Героев Советского Союза – к столу, где сидел генсек, перед которым они встали стеной под овации зала. «Неясно лишь, какова была реакция сталинской охраны на этот неожиданный манёвр», – замечает автор (с. 271–273). Очевидно, ей пришлось смириться с описанной демонстрацией, тем более что это была демонстрация преданности. Необходимость заставляет быть разумным.

Контрастом этому случаю оказывается эпизод на приёме 5 мая 1941 г., когда Сталину, заявившему, что в Артиллерийской академии слишком долго изучают пушку, снятую с вооружения в 1916 г., попытался возразить начальник этой академии генерал-лейтенант А.К. Сивков, который указал, что обучение ведётся на современной технике. (Любопытно, что Сталин сам обратился с вопросом к залу, правильно ли описанное положение вещей, а когда Сивков ответил, пусть и возразив, генсек одёрнул его: «Прошу меня не перебивать».) По-видимому, именно за «дерзость такову» его сначала не подпустили к Сталину во время банкета, а через несколько дней сняли с должности (с. 279). В изложении автора дело выглядит так, что генсек оказался прав, ибо смотрел конспекты учившегося в той самой академии своего сына Якова, а Сивков защищал честь мундира. Возможно, хотя трудно представить, что последний стал бы открыто лгать – проверить правдивость его слов не составляло труда. Строго говоря, одно не противоречило другому, поскольку изучение старых образцов вооружения, само по себе необходимое, не отменяло изучения современных. Дело лишь в том, сколько времени стоило тратить на пушку 25-летней давности, но это вопрос, требующий специальных знаний. Думается, стоило бы оговорить подобные детали.

внимания, к чему давно привык (*Печатнов В.О.* На излёте «Великого альянса»: Сталин, Трумэн и Черчилль в конце Второй мировой войны (по новым документам) // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 21).

Однако есть в монографии и куда более серьёзный пробел. Автор пишет, что Большие кремлёвские приёмы «являлись одной из форм общения в советской политической среде» (с. 384). «Коллективная трапеза... играет важную роль не только в укреплении существующих связей, но и в расширении межчеловеческих контактов» (с. 10). Спорить с этим не приходится. Однако в книге рассказывается, о том, как участники банкетов общались со Сталиным, но не друг с другом. О чём они говорили между собой? Завязывались ли новые знакомства? Упомянутой теме расширения межчеловеческих контактов стоило бы посвятить отдельную главу³².

И ещё. Автор пишет, что в ходе совместной трапезы её «участники имеют полную возможность для самовыражения (курсив мой. – А.К.)» (с. 10). Тезис, прямо скажем, радикальный – ведь существуют достаточно жёсткие правила поведения на банкете, и самовыражаться допустимо только в рамках оных – «умение участника застолья *подчиниться принятому этикету* способствует коммуникации (курсив мой. – А.К.)» (с. 9–10). А это оговорка немаловажная; выход за рамки этикета создаёт особую культурную ситуацию, подчас весьма интересную, но традиционными правилами не приветствующую³³.

Теперь о вещах более прозаических. Нужно особо отметить, что автор уделяет немалое внимание историографии (особенно когда обсуждает тост Сталина за русский народ). Зачастую исследователи истории XX в. слишком увлечены введением в научный оборот не использовавшихся прежде архивных документов, а на учёт и анализ мнений предшественников их усердие простирается далеко не всегда. С другой стороны, В.А. Невежин, нередко полемизирующий с мемуаристами, публицистами, учёными, иногда ограничивается лишь цитированием высказываний, где комментарии напрашиваются сами собой. Так, Ю.Н. Жуков утверждает, что после ареста Н.И. Ежова «члены высшего руководства страны могли чувствовать себя в полной безопасности» (цит. на с. 175). Очевидно, что они не могли себя чувствовать так до самой смерти вождя, в интересах которого было не давать политической элите «расслабляться», это лишний раз доказало «ленинградское дело». Р.И. Косолапов уверяет, что в выступлении на приёме 24 мая 1945 г. «Сталин винится перед народом и признаёт его право прогнать это правительство» (с. 350). О каком «праве прогнать правительство» могла идти речь, если за «нелояльный» анекдот люди нередко отправлялись в места не столь отдалённые? И уж откровенным курьёзом является утверждение С.П. Куличкина о том, что в своём тосте на том же приёме Сталин «спел гимн» русскому православию (с. 352). Конечно, комментирование высказываний, подобных последнему³⁴, можно считать излишним ввиду их очевидной несостоятельности, однако стоило ли таковые вообще приводить? Ведь это не публицистика, а научное исследование, где вряд ли имеет смысл отвлекаться на мнения явно некомпетентных и пристрастных авторов, которых среди пишущих по сталинской тематике великое множество.

³² В то же время в других местах подробно излагаются сюжеты, в рамках данной темы заслуживающие лишь упоминания: о беспосадочных перелётах (с. 99–101), о положении в металлургии (с. 105–106).

³³ Красноречивый пример такого рода см.: Глушаков П.С. Забытый эпизод из истории советского литературоведения (Андроников – Бонди – Виноградов – Гуковский – Оксман) // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 388–394, где описывается достойная вдохновения скальдов перебранка крупнейших советских литературоведов на банкете в честь присуждения И.Л. Андроникову Государственной премии СССР.

³⁴ На с. 351–352 можно встретить и иные фантазии в том же духе.

Последнее замечание касается справок об участниках приёмов. Сама эта подборка очень полезна – автор собрал данные о 750 участников кремлёвских банкетов. Но об одних приглашённых не сообщаются те данные, которые приведены о других (нет сведений о членстве в ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлиса, о воинском звании П.А. Ротмистрова, об аресте и казни М.Д. Багирова, о маршале артиллерии Г.Ф. Одинцове сказано «военачальник» и больше ничего, и т.д.)³⁵. В случае переиздания книги сведения было бы полезно унифицировать.

В завершение хотелось бы сказать следующее. Книга интересна не только своей темой, но и качеством исполнения: солидный уровень подборки материала и его анализа, предельная объективность, лёгкий для восприятия язык. Мы видим кремлёвские приёмы с разных сторон – и с исторической, и с материальной, и с культурной, и с психологической. Монография В.А. Невежина – приглашение историкам заняться и другими проявлениями «парадной повседневности» того времени: военными и физкультурными парадами, процедурами награждения в Кремле, торжественными заседаниями в честь юбилейных дат или важных событий и др. Хотелось бы надеяться, что и эти темы найдут своих исследователей и будут изучены столь же обстоятельно.

Материал подготовлен И.А. Христофоровым

³⁵ Встречаются (не только в подборке, но и в основном тексте) и неточности: генерал-лейтенант авиации Иван Проскуров назван Иосифом (с. 509), в отношении генерала армии А.А. Белобородова указано лишь звание генерал-майора, полученное им в 1941 г. (с. 486), А.А. Игнатьев назван генералом царской армии (с. 244–245), хотя генеральское звание он получил уже при Временном правительстве, и т.д.